

В. А. Антонов

(научн. руководитель А. С. Кондратьев)

Липецкий государственный педагогический университет,

Липецк, Россия

«Роман в письмах» А. С. Пушкина в контексте «большого времени»

Аннотация. Переписка, как феномен духовной культуры, укоренена в традиции национального самосознания и преломляется в художественных исканиях русских писателей. Незавершенный замысел «Романа в письмах» А. С. Пушкина свидетельствует о наметившейся тенденции охлаждения интересов к политическим страстям или праздным утехам в обмен на обретение душевного спокойствия и согласия, так что едва ли не хрестоматийное противопоставление «века нынешнего» – «веку минувшему» перестает быть актуальным.

Ключевые слова: Пушкин, эпистолярная традиция, национальное самосознание, духовный смысл.

Эпистолярная традиция в отечественной литературе имеет длительную историю, начиная с послания Владимира Мономаха, обратившегося к Олегу Святославовичу после смерти на поле брани своего сына: «Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, – ибо нет в ней ни зла, ни добра, – чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее <...> ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои» [Памятники 1978: 413]. Православное самосознание русского народа тяготеет к диалогу, а переписка, в свою очередь, обладает уникальной способностью *разведенных* по разные стороны жизненных полей, дает шанс понять друг друга, поделившись самыми затаенными мыслями и переживаниями. В художественном мире А. С. Пушкина герои активно переписываются: Татьяна Ларина передает с няней письмо своему избраннику, который впоследствии напишет ей их несколько, рассказывая о пережитых событиях, повлиявших на его дальнейшую судьбу. Так, например, Евгений Онегин признается:

Я думал: вольность и покой

Замена счастью. Боже мой!

Как я ошибся, как наказан! [Пушкин 1993–1994. Т. 3: 183].

В «Капитанской дочке» герои тоже пишут друг другу: «Сын мой Петр! Письмо твое, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановой дочерью Мироновой, мы получили 15-го сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но еще и собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путем, как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин» [Пушкин 1993–1994. Т. 4: 36–37], – таков ответ отставного премьер-майора, Андрея Петровича Гринева на письмо Швабрина, оклеветавшего своего соперника. В 1829 г. Пушкин приступает к воплощению замысла произведения в письмах, название которому дали уже в посмертной публикации – «Роман в письмах». Можно предполагать, что нереализованный замысел не утрачивает своего духовного смысла, потому что реализует себя в «большом времени» русской культуры, в контексте которого только лишь и возможно понимание историко-литературных явлений, восходящих к православной традиции отечественной культуры: «Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в *большом времени*, притом часто <...> более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» [Бахтин 1979: 331]. И. А. Есаулов, продолжая освоение предложенного М. М. Бахтиным феномена «большого времени» как литературоведческой категории, выдвигает методологическое положение: «„Далекий“ ... контекст понимания разомкнут во времени. В “большом времени” происходит обновление прежних смыслов» [Есаулов 2017: 17]. В «Романе в письмах» художественно отслеживается вектор нравственных исканий героев, *разделенных* временем и пространством и обращающихся к прошлому, что

соотносится прежде всего именно с *пониманием* духовной традиции национального самосознания. Так, В. Ф. Одоевский в предисловии к эпистолярному роману «4338-й год», возвращаясь в свою эпоху из необозримой дали «большого времени», когда переписка заменится «электрическим разговором» [Одоевский 1988: 556], искажающим прагматической составляющей доверительные отношения, на основе духовного опыта эволюции человеческой природы приходит к убеждению: «<...> люди всегда останутся людьми, как это было с начала мира: останутся все те же страсти, все те же побуждения; с другой стороны, формы их мыслей и чувств, а в особенности их физический быт должен значительно измениться» [Одоевский 1988: 527].

Сюжет «Романа в письмах» А. С. Пушкина представляет собой историю становления героев, Лизы и Владимира, преломленную в их переписке с близкими, Сашей и безымянным другом офицера, посвященной их неожиданному для окружающих отъезду из Петербурга, вопреки житейскому благоприятствованию, в российскую глубинку. Главная героиня, Лиза, покидает Петербург, где так и не смогла «найти себя», потому что положение воспитанницы ее не устраивало, а в имении бабушки в Павловском она испытала чувство освобождения от тягот петербургской суеты, о чем и пишет своей знакомой: «Старинный дом на горе, сад, озеро, кругом сосновые леса, все это осенью и зимою, немного печально, но зато весной и летом должно казаться земным раем» [Пушкин 1993–1994. Т. 4: 283]. В Павловском, имении Вульфов, часто бывал Пушкин, и там же в 1829 г. было написано одно из самых проникновенных стихотворений о красоте окружающего мира – «Зимнее утро». Уединение Лизы в глубинке непонятно ее собеседнице, которая ищет в ее отъезде какую-то причину, может, от неудавшейся и несложившейся личной жизни: «Я подозреваю... Но ты со мною скромничаешь, и я боюсь рассердить тебя заочно своими догадками» [Пушкин 1993–1994. Т.4: 283]. Завершая свое письмо, Саша просит *подумать* и *одуматься*, чтобы вернуться в Петербург: «Возвратись, мой ангел; а то нынешней зимою мне не с кем разделять моих невинных наблюдений и некому будет передать эпиграмм моего сердца» [Пушкин 1993–1994. Т.4: 283].

Саша пишет с Крестовского острова, где в Петербурге сосредоточены всяческие развлечения и увеселения. И все же она тяготится выпавшим на ее долю одиночеством, потому что доверительные отношения с Лизой придется прервать, а событий, как предполагается, будет немало, однако обсудить же их будет не с кем. Отвечая Саше, Лиза рассказывает о своих новых знакомых и о чтении романов. У 17-летней девушки, дочери ее новых знакомых, – целая библиотека со старинными романами, и Лиза начала с С. Ричардсона. Этим писателем увлекалась и Татьяна Ларина:

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла
[Пушкин 1993–1994. Т.3: 56–57].

С. Ричардсон получил известность не только как английский писатель-родоначальник сентиментальной литературы, но и как автор ряда эпистолярных романов, среди которых особо значимую роль играет «Кларисса, или История молодой леди». Так, Лиза признается: «Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлению, какая ужасная разница между идеалами бабушек и внушек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом?», однако она поверяет Саше самое сокровенное, осенившее ее: «<...> между тем роль женщин не изменяется» [Пушкин 1993–1994. Т.4: 284]. Нравственные устои Лизы тяготеют к исконно-вечным первоосновам жизни. Ловелас и Адольф – два собирательных образа молодых людей XIX в., одержимых помыслами о завоевании женских сердец. В рецензии «О переводе романа Б. Константа “Адольф”» Пушкин отмечает: «<...> первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованным гением лорда Байрона». В этой же заметке Пушкин цитирует еще не опубликованную седьмую главу «Евгения Онегина», в которой дается обзор

читательских пристрастий своего приятеля, главного героя, оставившего для себя всего два-три романа:

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой
[Пушкин 1993–1994. Т.5: 174].

В 1990 г. М. В. Строганов в монографии «Человек в художественном мире Пушкина» сделал вывод, свидетельствующий о духовном потенциале незавершенного замысла русского классика: «<...> наличие политического, общественного прогресса не обязательно связано с изменением человеческой природы <...> оно затрагивает лишь внешнюю сторону человеческой жизни» [Строганов 1990: 41]. Главная тема «Романа в письмах» сводится к уподоблению «века нынешнего» – «веку минувшему»: «Неизменность чувства и природы при изменяемости политических убеждений и моды – таков основной пафос “<Романа в письмах>” и решение Пушкиным вопроса о характере исторического прогресса» [Строганов 2003: 311]. Поделившись неожиданным для самой себя открытием того, что они с приятельницей все те же, что и старшие, Лиза просит Сашу писать ей, поскольку в одиночестве новое мировоззрение переполняет ее, и с этим ей очень хотелось бы с кем-то поделиться.

Саша отвечает, что знакомый поклонник Лизы, Владимир, переживает ее ответ и едва ли не единственный, кто жалеет о ее решении. Саша никак не может понять, почему же Лиза прервала их отношения, тогда как после венчания могла бы жить на Английской набережной, в самом сердце аристократического Петербурга. Завершая свой ответ, Саша сообщает, что Владимир пригорюнился и отправляется в отпуск. Сама же Саша в постоянном эмоциональном подъеме от светских раутов и мероприятий, но все же она благодарит Лизу за рассказ о впечатлениях от Ричардсона, сочинения которого, с психологически насыщенными картинками переживаний героев, прочесть вряд ли решится.

Из событий своей новой, деревенской, жизни Лиза выделяет знакомство с Машенькой, среди родных которой и тот самый Владимир, что отправился в отпуск из Петербурга. Лиза вновь подчеркивает: «<...> как странно читать в 1829 году роман, написанный в 775-м <...> видим около себя странные платья, однако ж знакомые лица и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими» [Пушкин 1993–1994. Т.4: 286]. Параллельно женской переписке Владимир со своей стороны рассказывает другу о своих впечатлениях. Его тоже не привлекает столичная суета, а в планах у него перебраться в саратовскую деревню. Самое яркое впечатление – это свидание с Лизой: «Я приехал уговорить ее возвратиться в Петербург. Наше первое свидание было великолепно. Тетка моя была именинница» [Пушкин 1993–1994. Т.4: 290]. В ответ на суждения светского офицера друг упрекает своего Владимира, что тот отстал от своего времени, с чем сам Владимир не может согласиться: «Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость правил и политическая экономия были в моде <...> Французский кадрили заменил Адама Смита, всякий волочится и веселится как умеет <...> С Лизою вижусь каждый день и час от часу более в нее влюбляюсь <...> Эта тихая благородная стройность в обращении <...> что-то живое, снисходительное, добродушное <...> Она слушает и понимает» [Пушкин 1993–1994. Т.4: 292]. Владимир наставляет своего друга, засидевшегося на «оппозиционной стороне» на «истинный путь», когда женский интерес, как одно из проявлений истонных приоритетов в духовном опыте человека, возобладает над стереотипами общественно-политических коллизий, к чему пришел и лирический герой Пушкина:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.

<...>

По прихоти своей скитаться здесь и там,

Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусства и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиления.
– Вот счастье! вот права...
[Пушкин 1993–1994. Т.1: 533].

На этом и заканчивается переписка молодых людей, Лизы и Владимира, входящая в «большое время», или же *непрошедшее*, как опыт духовного наставления блуждающих во мраке нравственного неведения, дабы обрести себя самого отнюдь не стяжанием личностной исключительности, но сопряжением своей судьбы с другими и в посвящении себя другим, что и восходит к духовной традиции отечественной культуры.

Литература

Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы: XI – начало XII века. М. : Художественная литература, 1978. С. 393–413.

Пушкин А. С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 1-5. СПб. : Библиополис, 1993–1994.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.

Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. 3-е изд. СПб. : РХГА, 2017. 550 с.

Одоевский В. 4338-й год (Петербургские письма) // Сильфида: Фантастические повести русских романтиков. – М. : Современник, 1988. С. 526–557.

Строганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина. Тверь, 1990. 84 с.

Строганов М. В. О Пушкине: статьи разных лет. Тверь: Золотаябуква, 2003. 332 с.

Antonov V. A. «A novel in Letters» by A. S. Pushkin in the context of the «big time».

Abstract. Correspondence, as a phenomenon of spiritual culture, is rooted in the tradition of national identity and is refracted in the artistic searches of Russian writers. The unfinished idea of the «Novel in Letters» by A.S. Pushkin testifies to the emerging tendency of cooling interests to political passions or idle pleasures in exchange for finding peace of mind and harmony, so that the almost textbook opposition of the "present century" to the "past century" ceases to be relevant.

Keywords: Pushkin, epistolary tradition, national identity, spiritual meaning.

О. Д. Кошелева

(научн. руководитель Н. В. Пращерук)

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия

Структурно-смысловая организация «Романа в девяти письмах»

Ф. М. Достоевского

Аннотация. «Роман в девяти письмах» Ф. М. Достоевского построен на разрушении ожиданий читателя от эпистолярной формы, поскольку Достоевский использует ее для написания комического произведения. Для достижения комического эффекта писатель часто прибегает к параллелизму на разных уровнях текста, а также к отсылкам на литературу, актуальную для читателей XIX века. В конце произведения принцип параллелизма намеренно нарушается автором, что не соответствует ожиданиям читателя.

Ключевые слова: эпистолярная проза, Ф. М. Достоевский, «Роман в девяти письмах», юмор, параллелизм.